

РАХИЛЯ ГЕЙБУЛЛАЕВА
(Азербайджан)

Звездный персонаж Шах Аббас, жертвоприношение и звездные метаморфозы в повести «Обманутые звезды» М.Ф. Ахундова

Вступление. Творчество М.Ф.Ахундова было достаточно популярным в советское время в силу идей просветительства, критики духовенства, сторонника реформы арабского алфавита, и как полковника и переводчика русской службы в Закавказье. В Азербайджане и по сей день его произведения включаются в школьные и вузовские учебники. Но современный политический строй на родине поэта позволяет по-новому осмысливать его наследие: в частности его атеизм, так же как и Сабира и Дж. Мамед-Кулизаде, нельзя принять именно таковым, потому что критика духовенства, или попытка осмыслить пророка, еще не идентичны атеизму. То же самое можно сказать о его современнике Вольтере, который, критикуя клерков, вовсе не был атеистом.

Другим интересным моментом оказалось то, что М.Ф. Ахундов, он же Ахунзада, рассматривается как персидский автор. И редкие его переводы оказались изданы в 1890 году в Лондоне под названием *Persian Plays*. Он еще при жизни был назван персидским поэтом и в журнале «Московский наблюдатель» - при публикации написанной им на персидском языке «Восточной поэмы на смерть А.С. Пушкина», 1837 (Московский наблюдатель 1837: 229-330). При всем том, следует отметить, что, будучи автором произведений на русском и персидском языках («Шикает-наме» - жалоба в 1832-1833), писал он большей частью на азербайджанском.

Сам писатель идентифицировал себя как иранец по отцу. **Язык его повести** «Обманутые звезды», например, сочетает классический язык (изобилует арабизмами и фарсизмами) в речи шаха и придворных с простой народной речью авторского повествования. В этом плане повесть объединила традиции классической литературы и народного языка, уже утвержденные в поэзии предшественника М.Ф. Ахундова - Молла Пенах Вагифа (1717-1797).

Этот момент - двойная идентификация при определении литературно-культурного наследия Азербайджана и Ирана, присущ и таким представителям литературы как *Низами Гянджеви* (1141-1209) и *Мухамед Гусейн Шехрияр* (1906-1988). Однако для советского читателя самым малоизвестным фактом была такая идентификация применительно к творчеству Ахундова, который родился и вырос в Российском тогда Азербайджане и писал в основном на азербайджанском языке.

Отмечая двухсотлетие со дня рождения великого мыслителя мусульманского Востока, невольно приходится провести параллели с его ровесниками христианского Запада, двухсотлетие которых также приходится на этот год. Например, с *А. Герценом* (который слыл западником, но болел за русский народ и, как сам признавался, еще

со студенческих лет увлекался немецкой философией); с *В. Гюго*, который жил и творил на Западе и тоже бичевал духовенство, использовавшее религию в качестве ширмы собственных целей; с *Ч. Диккенсом*, выставлявшем в самом неприглядном свете брюзжащих буржуа собственной нации. **А из немцев** - Фауст (1831) *Гете* (1749-1832), братья *Якоб* (1785-1863) и *Вильгельм Гримм* (1786-1859).

В поисках “луча в темном царстве” (Н. Добролюбов) параллельно развивается и взаимный и интерес. Гете (1749-1832), Вольтер (1694-1778) о пророке Мухаммаде «Фанатизм, или пророк Магомет», помимо критики христианского духовенства, В. Ирвинг (1783-1859) о пророке, Монтескье (1789-1855) в «Персидских письмах» пишут на восточные темы, и, наоборот, восточные авторы в тех же поисках лучшего общества обращают взоры на Запад.

Разочарование наступает Вольтера в собственной стране: после обучения наукам и политическому строю в Англии он издает «Философские письма», как и Ахундов, и, будучи обвинен в издевательствах над религией, оказывается за это в Бастилии. А Ахундов опубликовав под псевдонимом свои «Письма Камал-юд-Довле», был обвинен в атеизме, хотя его единственный сын, учившийся в Бельгии, держал орудж (пост), а сам Ахундов дружил с муфтием Закавказья.

В каких библиотеках мира, какие переводы, согласно WorldCat, числятся по М.Ф. Ахундову: «146 works in 218 publications in 17 languages and 950 library holdings» (Akhund zādah: Web). **Most widely held works by Faṭḥ Alī Akhund zādah:**

L'avare, comédie persane; texte pub. et tr. pour la première fois, avec une introd., des notes et un glossaire by Faṭḥ Alī Akhund zādah (Book)

2 editions published in 1934 in French and held by 41 libraries worldwide

Comédies by Mirza Fath-Ali Akhundov (Book)

2 editions published in 1967 in French and held by 25 libraries worldwide

Persian plays: three Persian plays with literal English translation and vocabulary by Faṭḥ Alī Akhund zādah (Book)

3 editions published in 1890 in English and held by 22 libraries worldwide».

К этому перечню можно добавить изданный на немецком языке *Brands H. W., Azerbaijansches Volksleben und modernistische Tendenz in den Schauspielen Mirza Feth-Ali Ahundzade's*, Wiesbaden, 1958 (Аз. Шариф: Web).

Исторический пласт в “Обманутых звездах” или звездный персонаж Шах Аббас в литературе.

Повесть (1857) базируется на истории Ирана периода Шах Аббаса Сефевиды (1571-1628, время правления 1585-1628 - Потто: Web. 2007), третьего сына слабого Султана Мухаммада Худабенде и властной матери. В период повествуемых событий ему 22 года (Akhundov 1982:202), идет седьмой год со времени наследования трона (Akhundov 1982: 202). Учитывая тот факт, что Шах Аббас пришел к власти в 1587 (или 1585) г., то события происходят весной 1594 (или 1592) года.

Автор определил жанр своего произведения как повесть и комедию. **По жанру - метаморфоза, фарс или исторический роман.** В этой связи актуален вопрос: имеют ли изображаемые события реальную историческую почву? Или, как у Вольтера, который признавался, описывая в трагедии “Фанатизм, или Пророк Магомет” (1740) события 630 г. в Мекке: «Я знаю, что Магомет не совершал такого именно предательства, какое составляет сюжет моей трагедии. Цель моя не в том лишь, чтобы вывести на сцене правдивые события, *но в том, чтобы правдиво изобразить нравы* (выделено мной - *Р.Г.* - насколько это этично придумывать их, вопрос другой), передать истинные мысли людей, порожденные обстоятельствами, в коих эти люди очутились...» “Магомет у меня — не что иное, как Тартюф с оружием в руках”.

Вкратце содержание повести выглядит так: главное событие, на котором жидется сюжет – это переплетение звезд, которые предсказывают скорую смерть Шах Аббаса, точнее, через пятнадцать дней после Новруза. Автор сообщает, что с известием об этом пророчестве пришел к молодому шаху (Хадже (евнух) Мубарак) его главный звездочет (münəssimbaş) Мирза Садраддин через *три дня* после новруза. Таким образом, известно точное время описываемых в повести событий – 12 дней. Шах созывает совет из визирей, сердара, моллабашы (главный духовный сан), прося совета как отвести от него эту беду. Каждый из них рассказывает о своих «заслугах», которые на самом деле ни что иное, как злодеяния, но в итоге все они признаются в своем бессилии перед звездами: ”amma kəvakibin müqabilində tədbir göstərməyə əlhəq acizəm” (Axundov 1982: с.203) или “amma kəvakib ilə müxalifət etməkdə əqlim hət bir əlacdan qasir görünür” (Axundov 1982: 204). В итоге принято решение отстранить шаха от трона до благоприятного расположения звезд и посадить на трон Юсифа серраджа из Гезвина, неугодного двору, который имеет своих мюридов и проповедует им.

Историческое соответствие соблюдено в татской сказке: “В давние времена жил в Иране шах по имени Аббас. Был он мудрым и справедливым” (Кривой Якуб и Шах Аббас: Web). В повести же Ахундова страна Шах Аббаса в плохом положении. Как пишет сам автор, сюжет новеллы (или повести, как его определил сам писатель) был заимствован им из истории, повествующей о седьмом годе правления Шаха Аббаса. Она изложена в иранском источнике «Тарихи-алей-арайн-Аббаси», изданном в Тегеране в 1314 по мус. летоисчислению, в книге английского историка Дж. Малькольма «История Ирана» (Надир Мамедов 1982: 232-233). Известно, что Шах Аббас был объявлен историографией своего времени великим. До написания повести-новеллы Ахундов внимательно изучил историю Ирана XVI-XVII веков и написал статью “Положение турецкой армии под Багдадом в 1618 году”, опубликованную в газете “Кавказ” в 1853г., № 53, 54, где отмечает железную волю и незаурядный государственный ум Шаха Аббаса.

Но при всех заслугах Шаха Аббаса для Ахундова неприемлем сам факт обмана звезд, как отсталость. Вспомним аналогичный “обман” потусторонних сил в его комедии “Мсье Жордан и Дервиш Местели шах”, где женщины пытаются воспользоваться услугами Дервиша-мага, который неслучайно Мест (пьяный, точнее

вне себя, как и подобает дервишу) и шах в своем сообществе магов, прибывший из Ирана в Карабах. Кстати, аналогичный с этой комедией вариант “обмана” как ритуала арабских племен, встречаем в работе В. Ирвинга “Жизнь пророка Мухаммада”.

Другой исторический факт прослеживается в тексте повести, когда автор, со свойственной ему иронией, мимоходом отмечает: “И до чего же глупы англичане, что чуть было не затеяли войну с таким опасным народом”, которому ничего не стоит “обмануть” звезды. Конфликт с Англией у Ирана возник не при Шахе Аббасе, о чем прекрасно знал Ахундов, а при его современнике, иранском шахе Насреддине, за город Герат. Иран в 1853г. сперва отказывается от Герата из-за экономического кризиса, но в 1856 году берет реванш. Далее Британии не удается сохранить Герат из-за проблем с Индией и Россией, и она полностью уступает город Ирану в 1857 г.

Эти два момента - историческая основа краткой повести с острым действием - послужили поводом к размышлениям Ахундова.

Мотив жертвоприношения во имя спасения другого: Шах Аббас - Якуб-Юсиф сerratдж

Известно, что это семе прошло путь развития от жертвоприношения человека и замены его животным, точнее, ягненком и бараном. Так было и во времена принесения в жертву человека (римские девственницы-весталки в храмах /Энциклопедия Брокгауза и Ефрона о весталках: Web/ или собственное дитя, как в случае с Авраамом долгожданного сына Исаака-Исмаила и затем Иисуса - самого сына Божьего), и животного без изъянов (по сей день и у иудеев, и у православных, и у мусульман). Образ жертвы трансформировался в художественной литературе в образ двойника, по сути, отражая принцип жертвенности «приношение в жертву одного ради другого», причем в жертву приносится лучший или безгрешный. Например, в повести *М. F. Akhundov - Aldanmıç kəvakib* замена шаха двойником (Юсифом Сerratджем), *М Горький. Gorky – Legenda o Danko* (Данко с его пылающим сердцем, как физическая жертва ради спасения людей, в итоге растоптавших осветившее им путь и спасшее жизнь сердце, что является воспроизведением библейского мотива о самопожертвовании Иисуса). Обряд жертвоприношения белым человеком описан в романе «Игуана» испанца А.Васкеса-Фигероа, он стал одним из важных движущих моментов в фильме «Апокалипсис» режиссера Мела Гибсона, основой композиции многих шедевров живописи, ничуть не уступая по накалу страстей художественному воплощению сути самого ритуала.

Мотив жертвоприношения собственного сына в доказательство верности встречается в татской сказке «Кривой Якуб и Шах Аббас» (Моя любимая сказка: Web). Высшее божество, как в Библии, здесь заменено на локального Шаха Аббаса, который, убедившись в преданности своего подданного, отца предполагаемой жертвы, также снисходителен к отцу. Испытание **придумано самим шахом** потому, что кривого-горбатого-низкорослого, но мудрого и справедливого старосту одного из округов Сефевидских земель, затем казначея, конюха Якуба шах хочет назначить на должность своего визиря правой руки вместо скончавшегося предшественника. Убедить Якуба в необходимости принести в жертву единственного сына Яхью ради

жизни Шаха Аббаса (трансформация канонического сюжета) должен **звездочет**.

«Якуб обнял свою жену и говорит: — Жена, знаешь, что я хочу тебе сказать? **Перемещение звезд предвещает в ближайшие дни несчастье для всей нашей страны!** — Что, война или голод? — в тревоге спрашивает жена. — Нет, хуже! — отвечает Якуб.— Умрет наш шах Аббас. **Но это несчастье можно предотвратить. Для этого нам нужно пожертвовать своим сыном.** Эта жертва будет принята Аллахом, и Аллах ответит от нашей страны всенародное горе! Расплакалась жена Якуба. Долго не могла она успокоиться. Плакал и сам Якуб. Увидел сын плачущих родителей, забеспокоился и спрашивает: — Что случилось? Рассказал отец сыну все как есть и говорит: — Сын мой, Аллах только тогда примет эту жертву, если сам жертвующий пойдет на нее добровольно! Раздевайся, сын мой, человек нагим приходит в мир и нагим уходит обратно к Аллаху. Сын покорно разделся и лег на пол. Связал его Якуб по рукам и ногам, положил его голову к себе на колени, снял со стены кинжал и только было собрался перерезать сыну горло, как сверху донесся голос (а говорил это сам шах Аббас): — Остановись, Якуб! Аллах видит твоё чистосердечное желание помочь шаху и принимает его как искупительную жертву за великого шаха Аббаса. Дарую твоему правителю и твоему сыну жизнь. А ты, Якуб, за верность Аллаху и твоему правителю, с этого времени будешь более счастлив! Голос замолк.» (Моя любимая сказка.- Web).

Здесь налицо аналогия с Binding или Акедах, с дарованием жизни сыну Богом в момент жертвоприношения, а разница в том, что взамен нет барана, а только счастье.

Таким образом, в этой сказке мотив жертвоприношения-испытания переплетается с **мотивом обманутых звезд**: соотношение звезд предсказывает для страны беду похлеще, чем война или разруха, а именно – смерть шаха Аббаса.

Интересно, что и этому **сыну двадцать четыре года, как и шаху Аббасу**: «Нужно, чтобы кто-нибудь из доброжелателей или приближенных шаху людей принес в жертву своего единственного сына,— продолжал звездочет,— и **чтобы сыну этому было двадцать четыре года, как и самому шаху Аббасу...** У Якуба подкосились ноги, сердце облилось кровью— его сыну было двадцать четыре года. — Что мой сын по сравнению с таким великим и справедливым человеком, как наш шах Аббас! — воскликнул Якуб и быстро направился домой».

В повести М.Ф. Ахундова жертва-двойник – по социальной функции.

Метаморфозы, «звездная» теория ногтеви и обманутые небесные светила как связующее звено между ними

Таким образом, сюжет повести являет собой **метаморфозу** (превращение), популярный в античных мифах, когда боги греческой и библейской мифологии принимали другой облик, чтобы помочь своим излюбленным земным героям, и в классической римской литературе, например, в поэме «Метаморфозы» Овидия (2-3 гг. н.э.). В поэме Овидия повествуется около двухсот мифов-метаморфоз, они по сути связаны с мотивацией любви. Метаморфозы начинаются с начала мироздания - превращения Хаоса в космос и землю (Овидий, Книга Первая, строфа 1. 1983:

Web) и завершаются **превращением Юлия Цезаря** (745-870), убитого за год до рождения Овидия, **в звезду**, и даже в бога: “Время исполнил свое – о ком, Киферея, печешься – Все; он прожил сполна земле одолженные годы. *Богом войдет в небеса*, почитаться он будет в храмах” (Овидий, Книга пятнадцатая, строфа 815: Web); 840 “Эту же душу его, что из плоти исторглась убитой, /Сделай *звездой*, и в веках на наш Капитолий и форум, /Будет с небесных твердынь взирать божественный Юлий!”. / Так он это сказал, не медля благая Венера/ В римский явилась сенат и, незрима никем, похищает (845) Цезаря душу. Не дав ей в воздушном распасться в пространстве. В небо уносит и там помещает *среди вечных созвездий*. И, уносясь, она чует: душа превращается в бога” (Овидий, Книга пятнадцатая, строфа 835, 840: Web).

К категории метаморфоз можно отнести и рассказ Н.А. **Гоголя «Нос»** (1882-1883). От коллежского асессора Ковалева, также называвшего себя майором для придания себе большей важности, убегает нос.

Известно относительно современное произведение - новелла “**Превращение**” (1912) чешско-австрийского писателя **Ф. Кафки** (1883-1924), герой которой *Грегор Замза в один прекрасный день, проснувшись, обнаруживает, что превратился в омерзительное насекомое* без всяких на то причин. Метаморфоза Кафки обусловлена внутренним состоянием автора, которое отличалось страхом перед внешним миром – герой страдает, в муках от своего превращения, которое противно и его семье, и умирает, как никому не нужное насекомое.

Между литературными произведениями мировой классики можно выделить повесть **М.Ф. Ахундова “Обманутые звезды”** с метаморфозой **социальной функции**, герой которой **Шах Аббас превращается в обычного Аббаса, сына Мухаммада, а обычный простолюдин**, седельник Юсиф – на несколько дней в правителя. Помимо того, что в образе последнего автор воплотил идею справедливого правителя-реформатора, исправляющего работу приближенных Шаха Аббаса, которой они бравировуют в начале повествования, это человек, о котором сообщается, что его отец праведник Кербелаи Селим отдал своего ребенка в школу в Гезвине, чтобы тот стал улема. Юсиф затем учился в Исфагане, а через несколько лет участвовал в меджлисах ученых-улема в Кербела. В итоге, возненавидев касту улема, под которыми тогда подразумевались религиозные ученые, он, став учеником мастера Халила, предпочел уехать в Хамадан. Через год вернулся в Гезвин, где стал подрабатывать, содержать, и в то же время ему *не нравилось поведение улема и он не мог удержаться придержать язык*, чтобы не рассказывать об этом (с. 210), что и послужило причиной его бедствий.

То, что герой, учившись на улема, возненавидел их, можно считать элементом *автобиографии* самого автора. Известно, что в Хамне Ахундов начал учиться в молла-хане, затем обучался в медресе в Гяндже (1832), куда определил его дядя матери, праведник Гаджи Алескер. Он вырастил юношу и обучал его персидскому и арабскому языкам.

Помимо **исторической основы** – подлинной замены Шах Аббаса по назначению дворцового астролога простолюдином на три дня, дабы избежать

предсказанной расположением звезд смерти, - отражающей суть принципа жертвоприношения “один вместо другого”, в *метаморфозе Ахундова особняком стоят еще две особенности: философия ногтей** и *литература зеркал***.

Теория ногтей, популярная на территории Нахичевани, Гезвина, Тебриза с лидером Махмудом Гилани, имеет традиции в классической исламской поэзии, отраженной в том числе в фильме «Король Лев», где встречается осознание **кругового воспроизведения жизни**, ее цикличности, что также характерно для восточного учения нуктевие. Так, отец-лев, отвечая на вопрос сына, объясняет, что есть травоядных животных не грех, поскольку хищники-львы после смерти смешиваясь с землей, *превращаются* в траву, которую и едят те самые травоядные, то есть *все воспроизводится, преобразуется из одной формы в другую*. А убитый Царь-Лев, как и Цезарь, герой Овидия, превращается в одну из звезд. Возникновение жизни из недр Земли - автохтонность - присутствует также в мифологии индейцев Америки. Такая типология философии миропонимания встречается в некоторых современных индийских произведениях и в средневековой восточной поэзии. Например, «Стебель свежей травы, что под утренним солнцем блестит /Волоском был того, кто судьбою так рано убит./ Не топчи своей грубой ногой эту нежную травку/ ведь она проросла из тюльпаноцветных ланит...» (121, 175)» (Р. Гейбуллаева 2000: 168).

Литература зеркал, Юлий Цезарь – Искендер - Юсиф Серадж или подлинный шах как мнимый герой

Если о философии ногтей в повести Ахундова говорили некоторые исследователи, то наличие традиций **литературы зеркал** нигде не отмечено. При всем том, отчетливо прослеживаются *два момента переклички* с эпосом “Искендер-намэ” великого Низами, где (в части “Достижение Искендером пророчества”) не менее великий герой – Александр - избран возвестить миру истину. Для этого он должен объехать страну, о чем его извещает ангел. Но Искендер не знает, как убедить людей и что именно делать в этом статусе. После четырех путешествий и дискуссий с греческими и индийскими мудрецами, после посещения страны счастливых в Барде и их веры в Бога он осознает, что его, посвященная войне, жизнь фактически прошла даром. В стране счастливых ценят духовные ценности, люди далеки от лицемерия, обмана, помогают друг другу. Потому и их страна достигла экономического и социального равенства. Люди здесь верят в бога. Искендер, оказавшись в этой стране, осознает суть дарованного ему пророчества. В этом он сближается с превращением души убитого Юлия Цезаря, обретением божественного статуса, отличие же в том, что он *достигает небесного статуса при жизни*. Да и смысл здесь иной.

А у Ахундова правитель на одном и том же троне удваивается, и *правителем становится простолудин, не без участия звезд*, который осуществляет то, к чему пришел Искендер. Именно этот простолудин в статусе правителя становится подлинным героем повести, а не настоящий Шах Аббас.

* О теории ногтей в повести говорили разные ученые, например, Н. Мамедов, А. Мирахмедов.

** В Византии и, соответственно, в православии, *это зеркало для принцев (mirror for princes)* - агиография-дидактическая литература

Если в повести М. Ахундова шах благодарит бездарных придворных в самом начале после их самообличительных речей о “мастерстве управления”, то реформатору изначально предуготована смерть после описания спектра его философских взглядов:

“Pərvərdigari-aləm qibleyi-aləmə ömri-təbii kəramət etsin. Bu şəhri-Qəzvində bir nəfər nabəkar peyda olubdur ki, cəmi ruyi-zəmində ondan mücrimlər və qətlə müstəhəq bir kimsənə tapılmaz; adına Yusif sərrac deyirlər. Məlum deyil ki, harada tərbiyə tapıbdır. Ancaq bu övqət şəhri-Qəzvində sakin olduğu üçün əcamir və övbaşdan özünə mürid cəm edib, həmişə üləmayi-giramın və xüddami-şəriəti-ğərranın zərbinə və zəmminə zəbangüşadır.

Bu məlun həmişə öz müridlərinə sərəhətən zikr edir ki, guya üləmayi-giram əvəmə firib verirlər. Məsələn, onun əqidəsilə guya ictihad lazım deyil və xüms və imam malı vermək xiləfdır və guya üləmə fəvət olan müctəhidin rəyində qalmağı o cəhətdən əvəmə caiz görmürlər ki, özlərinin bazarı rəvac olsun. Və bundan əlavə, dövləti-əliyyəyə dəxi bəhslər varid edir, deyir ki, kətxudadan tutmuş padşaha dək küll ərbabi-mənasib əhli-zələmə və qüttüptəriqidirlər, mülk və millətə hərgiz bunlardan bir mənəfəət aid deyil, həmişə öz həvai-nəfsləri ilə biçarə xalqı cərimə və müaxizə və müəqəb edirlər, öz rəftarlarında heç bir qanun və qaydaya mütəmməsik deyillər, bu günə rəftar ancaq əhli-zülmün və qüttəttəriqlərin əməlidir. Və dəxi zikr edirlər ki, məzhəbi-tənasüxə qaildir.

Bu daiyi-dəvami-dövləti-qahirə belə səlah görürəm ki, qibleyi-aləm səltənəti və təxtü tacı bu məluna təslim etsin ki, kəvakibin təsirindən öz cəzasına yetişib dərəki-əfsələ vasil olsun.

Əfradi-məclis küllən bu rəyi təsdiq edib qaim sövt ilə dedilər ki:

- Yusif sərrac pedərsüxtə bilkülliyyə qətlə səzavar və bəlayi-asimaniyyə müstəhəqdir.

Şah xoşhal olub buyurdu ki:

- Raziyam onun həlakına! Sabah bu tədbir tamam və kamal mücrə olunacaqdır”

(Axundov: 1982).

Этот реформатор имеет своих сторонников-мюридов, как и полагается лидеру ордена. В отличие от средневековой и последующей исламской поэзии, этот лидер не является поэтом-проповедником, как Низами (ахиец), Насими (хуруфизм), Сеид Нигяри (нигяриты). Считается, что прототипом этого простолюдина был приверженец ногтеви, но никак не противник бога. В краткое время, отпущенное ему судьбой, он занимается теми делами, которые восстановили бы социальную справедливость. Его приказы на посту шаха противоречат хвастливым деяниям, по которым правили придворные Шаха Аббаса. Но справедливость здесь эпизодическая. Описанные *две модели правления* подлинного и мнимого шаха есть не что иное, как зеркало, соответствующее литературе зеркал, или *mirror for princes* в Византийской литературе и *principum specula* на латыни, данное не в модификации агиографии или притчи, но как продолжение дидактической литературной традиции, хотя сам М.Ф. Ахундов считается противником дидактической литературы средневековья.

Как и у Низами, помещающего реальных героев* в справедливое общество, известное в литературоведении как утопическое, так и у Ахундова автор вмещает два реальных образа в мир реального и желаемого общества. У Низами это занимает больше пропорции в тексте, как и подобает эпосу, а у Ахундова мир справедливости занимает больше места. В повести Ахундова основной центр повествования приходится на “зеркало позитива”, так как его герой уже появляется в тексте с “готовым” мировоззрением, а сюжет эпоса Низами строится на его поисках. В обоих случаях миру справедливости (идеал обоих авторов; ср.: *miro* в латыни – восхищаться) противостоит мир жестокости.

В этом плане литература зеркал и традиции утопического общества - это некий мираж (*mirage*) - оптическая иллюзия, однокоренное с *mirror* (зеркало), которое, кроме обычного значения “отражающая поверхность”, имеет значение “нечто, дающее минутное мнимое представление, идею о чем-то”). На арабский *mir* (mir) переводится как *alām* (вселенная; признак), а во множественном числе арабское *alam-āt* соответствует значению знаки, особенности. И не случайно на арабском *mir* также *mi* (инструмент, способ), *ra* (видеть). В этом значении русское “мир” (mir) как вселенная, отражение (небес), соответствующее арабскому *alām* (вселенная; признак), отражение божественного, небесного; и как мир (в значении согласие).

Так и можно объяснить устойчивость архетипичного жанра литературы зеркал в христианской и мусульманской литературе, достигшей особой популярности в средневековый период (сравним: архетипичный жанр в литературе, известный как *Wisdom for princes* (*principum specula* по-латыни) в Византии, популярной также и в средневековой исламской литературе**).

Тем самым можно объяснить, почему Ахундов изменил исторический факт о том, что Шах Аббас был справедливым правителем, которому удалось восстановить и укрепить расшатанную при его отце славу и мощь Ирана. Опять-таки, в повести он не является главным героем, исторический факт, связанный с ним, послужил поводом, чтобы поразмыслить о справедливом правителе; хотя и не без едкой иронии Ахундова по поводу фанатичной веры в астрологию, которую он считал, как и европейские просветители, схоластикой.

Выводы

Таким образом, в повести “Обманутые звезды” использован исторический факт периода правления Шаха Аббаса. Но в повести он становится фоном для метаморфозы, в которой переплелись три момента: *жертвоприношение*,

* Учитывая античные материалы по амазонкам, включая время Александра Македонского или Искендера (на мусульманский манер), по местам их обитания, в числе которых находились и территории современной Турции (Восточная Анатолия), Кавказ и Средняя Азия, можно судить о том, что правители желаемого (*mirrog*, *mirage*, *alām*) общества Нушаба также имели реальные прототипы.

** Жанр политического письма, известный как зеркало для (*mirror for princes*), прямое назначение которого – инструкция королям или их отпрыскам в определенных сферах правления и поведения; Эллинистическая традиция через перевод повлияла на европейский, в том числе славянский жанр морали в X веке. Восточная традиция восходит к индийской Панчатантре и имела несколько разные формы, например, басня о животных, которая через перевод на арабский (Калила и Димне) утвердилась также и в исламской традиции.

проецированное в архетип двойника (почти все правители и Востока, и Запада имели двойников), *влияние звезд на земные дела* (от древних мифов, собранных в литературной адаптации в поэме Овидия, до элементов суфизма, отраженных в творчестве средневекового азербайджанского поэта Насими – “*heg birimiz bir guneshin zertgesiyik*”), *принципы литературы зеркал*, достигающих своей вершины в творчестве Низами в поэмах “Сокровищнице тайн”, “Хосров и Ширин”, “Искендернамэ”. Идея справедливого правителя и просветительские идеи, основанные на приемах распространения религиозного фанатизма, определенный пессимизм утопичности (*mitgor*) стали главными движущими силами повести М. Ф. Ахундова.

Литература:

- Ahund-zadah-Fatx Ali- 1812-1878 (*Akhund zādah*, *Fatḥ Alī* 1812-1878). online: <http://www.worldcat.org/identities/lccn-n80-14934>
- Az Sharif . *Kratkaja literaturnaja enciklopedija (KLE). O teatre*. (Аз. Шариф. Краткая литературная энциклопедия (КЛЭ) О театре). online: http://www.azerbaijans.com/content_202_ru.html
- Enciklopedija Brokgaуza i Efrona o vestalkax*. (*Энциклопедия Брокгауза и Ефрона о весталках*) Web: <http://www.hrono.ru/religia/vestalki.html>
- Gejbulaeva R. *Sravnitel'naja tipologija prozy i literaturnye tipy*. Baku, 2000, 168 p. (Гейбуллаева Р. *Сравнительная типология прозы и литературные типы*. Баку: 2000, 168 стр.)
- Krivoj Jakub I Shah abbas – *Moja ljubimaja skazka* (Кривой Якуб и Шах Аббас. – Моя любимая сказка). Web 2010-08-22: http://www.ckazka.com/index.php?option=com_sobi2&sobi2Task=sobi2Details&catid=199&sobi2Id=7461&Itemid
- Krymskij A.E. *Nizami i ego sovremenniki*. Baku: El'm, 1981 (Крымский А.Е. *Низами и его современники*. Баку: Эльм, 1981).
- Moskovskij nabljudatej', 1837, 11, P. 229-330. (Московский наблюдатель, 1837, кн. 11, сс. 229-330) – Mamedov N. *Realizm A.N. Axundova*. Baku: Maarif, 1982 (Н. Мамедов. *Реализм М.Ф. Ахундова*. Баку: Maarif 1982).
- Mamedov N. *Realizm Axundova*. Baku: Maarif, 1982, pp. 232-233. (Мамедов Н. *Реализм М.Ф. Ахундова*. Баку: Maarif, 1982 232-233 с.)
- Mirza Fatali Axundov. *Komedijalar. Povest'. Sejrler*. Baku: Yazici, 1982, 202 P. (Mirzə Fətəli Axundov. *Komediyalar. Povest. Şe'rlər*. Bakı: Yazıcı, 1982, 202 с.
- Potto A.V. *Epoха persidskogo vladychestva v Gruzii (Shah Abbas) – Kavkazskaja vojna* (v 5 tomah), T.I. Ot drevnejshih vremjon do Ermolova. (Потто А.В. *Эпоха Персидского владычества в Грузии (Шах Аббас) - Кавказская война* (в 5-ти томах). Т.1. От древнейших времен до Ермолова)- Web. 2007: <http://www.vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/>
- Publij Ovidij nazon. *Ljubovnie elegii. Metamorfozy*. Pervod s latinskogo S.V. Shervinskogo. M.: IXL, 1983 (Публий Овидий Назон. *Любовные элегии. Метаморфозы*. Перевод с латинского С.В. Шервинского. М.: ИХЛ, 1983). online: http://lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2_2.txt

Rahilya Geybullayeva
(Azerbaijan)

Stellar personage Shah Abbas, sacrifice motif and star metamorphose in Mirza Phatali Akhundov's story "The Deceived Stars"

Summary

Key words: sacrifice motif, metamorphosis, mirror literature, "star" theory nogtevi, Shah Abbas-Julius Caesar –Alexander the Great- Yussif the Serradge.

Contents of the papers highlights the following angles: introduction concerning the place of Azerbaijani philosopher **M.F. Akhundov among his contemporaries; history and history-making** in 'The Deceived Stars' and the representation of historical star Shah Abbas in literature; **the motif of sacrifice for the sake of another:** Shah Abbas-Yakub-Yusif the Saddler (Sarraj); **metamorphoses**, the Nuqtavi 'star' theory and the deceived heavenly bodies as a link between them ; **speculum of princes**, Julius Caesar-Alexander-Yusif the Saddler or the genuine shah as an illusory hero.

M.F. Akhundov's work was popular in the Soviet period because of his ideas of enlightenment, criticism of the clergy, support for reform of the Arabic alphabet and his role as a colonel and translator in the service of imperial Russia in the Trans-Caucasus. His works are still included in school and university textbooks in Azerbaijan.

But the contemporary political structure in the poet's homeland allows a reinterpretation of his legacy; in particular his atheism, like that of Sabir and Jamil Mammadguluzada, cannot be taken at face value, because criticism of the clergy and attempts to rethink the prophet do not amount to atheism. The same can be said of his contemporary, Voltaire, who criticized clerics but was not an atheist.

The novel "The Deceived Star" by M.F. Akhundov in some extent corresponds to one of the basic principles of contemporary postmodernism literature, when established perception of a generally accepted historical fact is subject of deconstruction and re-interpretation in the light of the collapsed idols and values.

This reformer has his murid supporters, as is appropriate to the leader of an order. Unlike in medieval and later Islamic poetry, this leader is not a poet-preacher, like Nizami, Nasimi or Seyid Nigari. The prototype for this commoner is thought to have been a Nuqtavi follower, and certainly not someone who was anti-God. In the short time allotted to him by fate, he works to restore social justice. His decrees as shah contradict the blustering acts with which Shah Abbas's courtiers ruled. But justice here is episodic. The description of the two models of government of the genuine and imitation shahs are a mirror, as in the mirror of princes genre in Byzantine literature and the speculum of princes (principum specula) in Latin literature, held up not to modify hagiography or as a parable, but in order to continue the didactic tradition in literature.

This paper deals with the novel "Deceived Star" Azerbaijani philosopher and writer M.F. Akhundov through prism of historical fact, the reign of Shah Abbas, as a background

for the *metamorphosis* in the story with three intertwined points: *sacrifice*, projected into the archetype of the double (almost all the rulers of the East and the West had doubles), *theory of nogtevi* or *influence of the stars on earthly affairs* (from ancient myths collected in the literary adaptation in Ovid's poem *Metamorphosis* till the principles of mirror literature or *principium speculas*, reaching its peak in the works of Nizami in the poems *The Treasury of Mysteries*, *Khosrow and Shirin*, *Iskender -Nameh*).

რაპილა გაიბულაევა (აზერბაიჯანი)

ვარსკვლავური პერსონაჟი შაჰ-აბასი, მსხვერპლშენიღვა და ვარსკვლავური მეტამორფოზები მ.ფ.ახუნდოვის თხზულებაში „მოტყუებული ვარსკვლავები“

რეზიუმე

საკვანძო სიტყვები: მსხვერპლშენიღვის მოტივი, მეტამორფოზა, სარკის ლიტერატურა, ნოგტევის „ვარსკვლავის“ თეორია, შაჰ-აბასი-იულიუს კეისარი-ალექსანდრე დიდი-იუსუფ სერაჯი.

XIX საუკუნის ცნობილი აზერბაიჯანელი ფილოსოფოსის, დრამატურგისა და პროზაიკოსის, მირზა ფათალი-ახუნდოვის (რომელიც ახუნდ-ზადეს სახელითაც არის ცნობილი) შემოქმედება, საკმაოდ პოპულარული იყო საბჭოთა ეპოქაში, რასაც არაერთი მიზეზი ჰქონდა: განმანათლებლური იდეების პროპაგანდა, სასულიერო პირთა კრიტიკა, არაბული ანბანის რეფორმის მხარდაჭერა, ამიერკავკასიაში რუსული მმართველობის თავყვანისცემა და ისიც, რომ მწერალი თარჯიმნად მსახურობდა რუსულ მთავრობაში. მისი ნაწარმოებები დღემდე ჩართულია აზერბაიჯანის სასკოლო და უმაღლესი სასწავლებლების სახელმძღვანელოებში.

მაგრამ აზერბაიჯანში არსებული თანამედროვე პოლიტიკური ვითარება საშუალებას იძლევა ახლებურად გავიაზროთ მირზა-ფათალი ახუნდოვის შემოქმედება, მათ შორის, დამკვიდრებული მოსაზრება პოეტის ათეისტობის შესახებ. მირზა ფათალი ახუნდოვი არ შეიძლება ათეისტად იქნას მიჩნეული მხოლოდ იმის გამო, რომ მის შემოქმედებაში გვხვდება სასულიერო პირთა კრიტიკა და წინასწარმეტყველის გადაფასების მცდელობა. იგივე შეიძლება ითქვას მის თანამედროვეზე, ვოლტერზე, რომელიც კლერიკალებს კი აკრიტიკებდა, მაგრამ ათეისტი სულაც არ ყოფილა.

მირზა ფათალი ახუნდოვის ვრცელი მოთხრობა „მოტყუებული ვარსკვლავები“ გარკვეული მოსაზრებით, შეესაბამება თანამედროვე ლიტერატურის პოსტ-მოდერნისტულ პრინციპებს, როცა ამა თუ იმ ისტორიული ფაქტის საყოველთაოდ მიღებული აღქმის გადააზრება ხდება დანგრეული კერპებისა და ღირებულებების შუქზე.

ითვლება, რომ ნანარმოებში მდაბიოს პროტოტიპია ნოგტევის მიმდევარი, მაგრამ არა ღვთის მგომბი. სიცოცხლის იმ მოკლე პერიოდში, რაც ბედისწერამ უბოძა, ის დაკავებულია სოციალური სამართლიანობის აღდგენით, შაჰის ტახტზე მის მიერ გაცემული ბრძანებები სრულიად განსხვავდებოდა იმ „საგმირო საქმეებისგან“, შაჰ აბასის სასახლის კარის მართვის სტილი რომ იყო. მაგრამ სამართლიანობა აქ ეპიზოდურია. შაჰების მმართველობის ორი მოდელის — ნამდვილისა და წარმოსახულის აღწერა, სხვა არაფერია, თუ არა სარკე. ლიტერატურის შესაბამისი სარკეებია *mirror for price's* ბიზანტიურ ლიტერატურაში ან *principum specula* ლათინურში, რომელიც მოცემულია არა აგიოგრაფიის ან თქმულების მოდიფიკაციის სახით, არამედ როგორც ლიტერატურაში დიდაქტიკური ტრადიციის გაგრძელება. თუმცა თავად მირზა ფათალი ახუნდოვი შუასაუკუნეების დიდაქტიკური ლიტერატურის მონინააღმდეგედ ითვლება.

მოცემულ სტატიაში მირზა ფათალი ახუნდოვის ვრცელი მოთხრობა „მოცუებული ვარსკვლავები“ განხილულია შაჰ-აბასის მმართველობის პერიოდის ისტორიული ფაქტის პრიზმაში, რომელიც გამოყენებულია ფონად მოთხრობაში ნაჩვენები მეტამორფოზისათვის. მასში სამი მომენტია გადაჯაჭვული: მსხვერპლშენიშვნა, პროეცირებული ორეულის არქეტიპში (აღმოსავლეთის თითქმის ყველა მმართველს ჰყავდა ორეული), ნოგტევის თეორია და ვარსკვლავების გავლენა მინიერ საქმეებზე (ძველი მითებიდან, რომლებიც ლიტერატურად ადაპტირებულია ოვიდიუსის პოემაში „მეტამორფოზები“, სარკეების ლიტერატურის პრინციპებამდე, რომელმაც თავის უმაღლეს მწვერვალს მიაღწია ნიზამის შემოქმედებაში, კერძოდ, პოემებში: „საიდუმლოთა საგანძური“, „ხოსროვი და შირინი“, „ისქანდერნამე“.